

Мы ведем своего любимого ребенка за руку, мы всецело вместе, но каждый из нас, при самой нежной любви, находится в своем мире: ребенок, к примеру, переживает из-за двойки, а у нас страстный роман, или у ребенка роман, а у нас двойка... и так мы идем, держась за руки, любя друг друга, всецело вместе и полностью отдельно. Когда-то я придумала Своймир, о котором рассказал ребенок, а теперь эти смешные истории рассказывает взрослый, — и это совершенно другой Своймир! И я очень надеюсь, что вы почувствуете то же, что чувствовала я, когда писала эту книгу, — наши Своимиры идут рядом, держась за руки, отдельные, и всё же всецело вместе.

Глава первая
ПУШКИН ОТРАВИТ МУРУ

Время и место действия — детство

В день, когда Мура, принцесса двух королевств, пошла в школу, все говорили плохие слова: «когнитивный диссонанс» и «жопа». Плохие слова Деда были «когнитивный диссонанс», Мурины плохие слова были «сволочь» и «жопа». «Жопа» было самое плохое слово на свете, даже «попа» было неважное слово. Дед иногда говорил: «У Муры мемориальная попа», имея в виду, что она своей личной попой сидит на коленях у разных вполне исторических личностей, но даже в этом контексте «попа» звучало двусмысленно, ведь всем воспитанным людям известно, что попы у человека как бы нет...

Что касается других частей тела, то чаще всего в доме упоминались уши. «Здесь чьи-то уши», —

предостерегающе говорил кто-то из взрослых, имея в виду Мурины, или: «Это не для детских ушей». Мурины уши так много всего недетского слышали! Например, откуда бывают дети. Дети бывают у кого от ума, у кого от глупости, у некоторых от секса. Лично она, Мура, родилась от глупости и секса. Мура знала, зачем ее маме, Лизе, в семнадцать лет нужен был секс: чтобы был. Без секса Лиза считала себя хуже других, а с сексом лучше других. Всё, что Мура подслушала насчет секса, было ей совершенно понятно: когда у тебя есть что-то, чего нет у других — секс, новый велосипедик, Барби, — может показаться, что ты лучше других. Дед говорил: «Дорогая Мура, никогда не думай, что ты лучше других, это крайне глупо, человек всегда лучше других только в собственных глазах». Лиза, получается, Деда не слушалась, от Лизиной глупости и секса родилась Мура.

Всё, что не предназначалось для детских ушей, в них попало: сплетни, романы, измены, разводы. Мура так много знала того, чего знать нельзя, что Мурины уши могли бы написать роман и назвать его «Любовь и измены» или «Супружеская жизнь» и даже «Психология сексуальности».

У Муры, кроме ушей и попы, были еще талант и красотища. Дед говорил о ней: «Талант и красотища все спишут». В сущности, этим все сказано: Мура талантливая красотка, и есть что списывать.

Ну, с красотой ясно, Деду очень нравилась его Мура, но какой же у Муры был талант? Мурин талант был... о-о, у Муры был не один талант, у нее было множество талантов: талант подслушать, все знать, талант интерпретировать свои знания о мире, талант делать вид, что вникает в то, что ей говорят, и задавать правильные вопросы, талант моргать сообразительно и понимающе, талант приластиться, талант выпрашивать, талант вставить словцо в разговор взрослых... совершенно очевидно, что талантов у Муры не счесть.

Как у каждого человека, у Муры был Своймир. Своймир был прекрасен, как компот, а изюмом и черносливом этого мира были Дед, Главная бабушка, Барби, а также пупсики.

Центральное место в Своеммире принадлежало Деду. Дед и в других мирах был не последним человеком. Главная бабушка, Дуся, в других мирах была не так известна, как Дед, но она была главной

по Мура. Что Мура надеть, что читать, можно ли начать учить ее рисовать графики и извлекать корни и когда Мура будет готова к школе. Главная бабушка утверждала: в десять лет. В десять лет ребенок уже готов к школе. Ее не смущало, что в десять лет Муру не примут в первый класс. «Не примут, и не надо», — говорила Дуся, намекая, что на домашнем обучении еще никто не пропадал. Дед говорил, что это типичный случай солипсизма. Мура думала, что соплесизм — это насморк, и старалась не шмыгать носом, ведь из-за соплесизма ее не примут в школу. Но оказалось, это не насморк, а немного другое: Главной бабушке кажется реальным только собственное сознание.

— Дусенька, но как же образование? — спрашивал Дед.

— Я тебя умоляю, какое образование? Чистописание? Пение? «Жили у бабуси два веселых гуся»? Мура сама прочитала «Калевалу», говорит на двух языках... на трех, считая родной, умеет возводить в квадрат...

Тут не возразишь: Мура умела возводить в квадрат 2, 3, 4 и 5, кроме того, знала много умных слов, которых не знали другие дети: «интеграл»,

«производная», «энтропия», «электрон», а также «скобки». Дед ласково смотрел на Дусю, бормоча: «Ну, Дусенька, тебе решать, но все же элитарное образование не заменит эгалитарное...» — и уходил в кабинет писать свои закорючки. Дуся ласково смотрела вслед Деду, бормоча: «Ну, ты известный зануда».

Дед был не столько «известный зануда», сколько известный ученый.

Итак, Дед: 55 лет, физик, профессор, доктор Очень Сложных Для Понимания Наук, русский, беспартийный. Никто, ни гости, ни случайный водопроводчик, не смог бы перепутать Деда с Мурой или Главной бабушкой, Деда с легкостью можно было отличить от всех остальных людей в доме: у него в руке всегда была ручка. Дед записывал свои закорючки где придется: на газете, на салфетке, на скатерти. Закорючками он выражал свои мысли, как другие люди выражают свои мысли словами. У Муры мысли были длинные, а у Деда короткие: подумает и сразу запишет закорючками.

В жизни Деда было одно правило: начинать утро с работы и работать весь день, а у Муры и ее мамы, Лизы, было много правил: слушаться старших, не

грубить, не читать самиздат в метро, доедать все до конца, хорошо учиться в аспирантуре, не показывать пальцем, не кричать, не возражать, не огорчать, не совершать... в Муриной жизни было особенно много правил, прямо с утра начинались правила: умываться, делать зарядку, завтракать, все доесть, в любую погоду идти по Фонтанке в Летний сад с Совсем Не То.

Совсем Не То была няня. За глаза ее называли «Не то что няня Пушкина, совсем не то», а когда не было времени произносить такое длинное имя, — просто «Совсем Не То». Например: «Совсем Не То приготовила борщ».

В Летнем саду няня старалась найти скамейку, на которой уже кто-то сидел, садилась и заводила разговор. Мура болталась вокруг скамейки. Няне было бы удобней разговаривать, посадив Муру на соседнюю скамейку и привязав ее к скамейке поясом от пальто, но Мура болталась тут же, и няня шепотом рассказывала, что работает у «богатых», перечисляла признаки богатства: телевизор, магнитофон, джинсы, машина «москвич» и она, няня. Говорила, что хозяева у нее нормальные, Дуся — еврейка, хозяину повезло, что у него молодая же-

на-красавица, но Дусе еще больше повезло выйти замуж за «богатого». Совсем Не То говорила: «Наш дед — это вам не баран чихнул», статус Деда в ее глазах все же определялся не «богатством», а профессиональным успехом, что, конечно, делало ей честь. Совсем Не То все время мелькала перед глазами, но в Своймир не входила, Мура любила ее не больше стола или стула.

Центральное место в Своеммире было занято Дедом, а второе центральное (бывает и два центральных места, как будто король и королева сидят рядом на троне) принадлежало Главной бабушке, Дусе.

Муре все семейные подробности были известны: Дуся — «вторая жена», «молодая жена», а первая жена Деда, мать Лизы, умерла давно. Мура не знала, когда именно, но давно, давно для Муры означало «дореволюции». Знала, что Лиза недолгоживает Дусю за то, что она «молодая жена», хотя и одобряет за то, что «у нее хотя бы нет детей», — так говорила Лиза своим подругам.

Итак, Дуся, Главная бабушка: 40 лет, золотая медаль, красный диплом, преподаватель английского языка в Медицинском институте, беспартийная, еврейка, красавица.

Ох, какая же Дуся была красавица! Про Главную бабушку гости говорили «вылитая Вивьен Ли», «похожа на красавицу девятнадцатого века, которую преследуют превратности судьбы», и «как будто сошла со старых открыток с Линой Кавальери», и «лучший образец иудейской красоты». Иногда Мура сама придумывала комплименты и передавала их Дусе якобы от гостей. Например: «Гости сказали, что ты самая красивая в мире и тебе нужно носить делькате». Этот комплимент был особенно удачный, его часто цитировали. Мура считала, что Главная бабушка слишком застенчива, всего боится (студентов, своего заведующего кафедрой, жизни в целом и мышей на даче), и ей пойдет на пользу лишний раз узнать, что она самая красивая в мире.

Больше всего на свете Главная бабушка боялась, что Мура вспотеет. Почти так же сильно Главная бабушка боялась, что Мура замерзнет. Дуся все время сомневалась и мучилась: если надеть Муре платок под шапочку, Мура вспотеет, если не надевать платок, замерзнет. То же и с кофточкой: либо вспотеет, либо замерзнет. Было и другое страшное слово — продует. По Дусиному мнению, жизнь Муры состояла из опасностей и угроз, среди которых

были экзотические опасности (ураганы, самовозгорание, зыбучие пески) и каждодневные опасности: вспотеет, продует, замерзнет, простудится, работает воспаление легких.

Дуся, говоря с мужем, называла Муру «она». Муре делали замечание «не говори о человеке в его присутствии в третьем лице», но между ними Мура всегда была «она»: «она на сквозняке, закрой форточку», «ей нужны новые туфли», — хотя Мура находилась рядом.

«Она подкашливает, — расстроено говорила Дуся и, подумав, уточняла: — Она собирается начать подкашливать». Дед оценивал ситуацию и брал на себя ответственность: «Надень ей кофточку» или «Сегодня можно обойтись без платка».

— Ты, Дусенька, держала бы Муру в кровати, под одеялом в шапочке... а на прогулку вывешивала за окно в сетке, как курицу. Мура висела бы за окном в сетке, а ты бы трогала ей лоб и совала градусник.

У Главной бабушки при таком предположении робко и счастливо загорелись глаза: ах, если бы это было возможно, — в сетке, в шапочке! Какая была бы прекрасная жизнь! Она улыбалась, тихо

и рассеянно, как будто знала главную тайну, о которой Дед не имеет понятия, и оттого бессмысленно пускаться с ним в споры. Они, все втроем, были очень счастливы. ...И да, температура! 36,8 вызывало у Дуси беспокойство, а 37,1 — это уже постельный режим.

Дуся занималась с Мурой английским и французским (французский Дуся учила в школе). Все остальное время они читали, Дуся приходила с работы, садилась читать и читала до чтения перед сном. Математикой занимался Дед, если он говорил, что сегодня занят, у Дуси страдальчески сжимались губы и она говорила «хорошо, мы сами», как будто он отправлял их на эшафот. Музыка и театр само собой, по пятницам они ходили в домашнюю филармонию: садились на диван и слушали пластинки — Бетховена, Моцарта, Шопена, Чайковского. Дуся Бетховена любила больше, Мура ненавидела всех одинаково. Она заваливалась за Дусину спину и зубами выдергивала ниточки на диване, однажды прогрызла дырку, которую заклеила пластилином, пластилин долго мыла с мылом, а потом мяла в руках, чтобы потерял цвет и стал под цвет обивки. ...А вот театров, в которые можно от-